

ЛЕСНАЯ ГОТИКА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Абашев В. В.

Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2712-2759>

Аннотация. В статье анализируется микродеталь пейзажной поэтики Д. Н. Мамина-Сибиряка: метафорический эпитет готический в описаниях хвойных лесов Урала, его семантическая роль и генезис. Обзор примеров использования этого определения в русской литературе XIX века в опоре на ресурсы «Национального корпуса русского языка» подтверждает художественную оригинальность писателя. В подавляющем числе зафиксированных примеров определение готический использовалось в прямом, а не метафорическом, как у Мамина, значении: архитектурном, культурно-историческом или стилевом. Единичные сравнения очертаний елей и пихт с готической архитектурой встречаются в уральских пейзажах В. И. Немировича-Данченко, однако у Мамина они не только более частотны, но, что принципиально, семантически активны и выступают как триггеры развертывания описания. Анализ пейзажных описаний в «Уральских рассказах» убеждает, что эпитет готический у Мамина-Сибиряка выступает (в терминах поэтики М. Риффатера) как ядерное слово дескриптивной системы, то есть как семантический центр комплекса мотивов, объединенных изображением лесной кущи как готического храма или города и связанных с этим более или менее проявленных религиозных переживаний. Использование эпитета готический включает семантическую работу системы в развертывании пейзажного описания. Для определения описанной дескриптивной системы используется выражение лесная готика, которое получило терминологический статус в трудах по истории рецепции готического в европейской и американской культурах. Предпосылкой генезиса дескриптивной системы лесной готики в пейзажных описаниях Мамина-Сибиряка становится, как показано далее в статье, во-первых, знакомство писателя с неоготической архитектурой окрестностей Петербурга и, во-вторых, усвоение общепринятой для культурного сообщества идеи о родстве готической архитектуры с хвойными лесами. Однако поскольку культурно-интеллектуальная готовность к восприятию лесной чащи в готическом модусе является хотя и необходимым, но все же недостаточным основанием для ее реализации в качестве источника элемента поэтики, то далее в статье рассматривается вопрос о возможном литературном источнике влияния – тексте-ретрансляторе лесной готики. В качестве возможного ответа на этот вопрос в статье приведены доводы, что в качестве ретранслятора традиции лесной готики для Д. Н. Мамина-Сибиряка мог выступить популярный в России Фенимор Купер, в творчестве которого эта дескриптивная система представлена ярко и широко. В заключение формулируется вывод о перспективности исследования периферийных элементов поэтики, поскольку здесь мы находим следы возможностей художественного воображения писателя, не всегда реализующихся в мейнстриме его творчества, следы ресурсов его культурной памяти, подспудно работающих в творческом процессе.

Ключевые слова: билингвизм; языковые контакты; миноритарный язык; транскультурная литература; системная лингвистика; языковедческая гипотеза

Для цитирования: Абашев, В. В. Лесная готика Д. Н. Мамина-Сибиряка / О. В. Зырянов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 44–53. – DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-04.

FOREST GOTHIC OF D. N. MAMIN-SIBIRYAK

Vladimir V. Abashev

Perm State University (Perm, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2712-2759>

Abstract. The article analyzes a micro detail of D. N. Mamin-Sibiryak's landscape poetics: the metaphorical epithet Gothic in descriptions of coniferous forests of the Urals, its semantic role, and genesis. The study of the usage of this attribute in the Russian literature of the 19th century based on the resources of the Russian National Corpus corroborates the artistic ingenuity of the writer. In the majority of Corpus examples, the attribute Gothic is predominantly used in its direct meaning, and not metaphorical, as in Mamin-Sibiryak's work – with architectural, cultural-historical, or stylistic connotations. Separate comparisons of the shape of fir-trees with Gothic architecture are found in the Ural landscapes descriptions by V. I. Nemirovich-Danchenko; however, with Mamin-Sibiryak they are not only more frequent, but, crucially, more semantically active as they act as triggers for the description development. The analysis of landscape descriptions in the "Ural Stories" convinces that the epithet Gothic in Mamin-Sibiryak's work appears (in terms of M. Riffaterre's poetics) as the key word of a descriptive system, that is, as the semantic centre of a complex of motifs united by the image of a forest thicket as a Gothic temple or city and more or less vividly manifested religious experiences related to it. The use of the epithet Gothic includes the semantic work of the system in the development of landscape description. To define the descriptive system mentioned, the expression forest Gothic is used, which has received a terminological status in the works on the history of the reception of the Gothic in European and American cultures. The prerequisite for the genesis of the descriptive system of forest Gothic in the landscape descriptions by Mamin-Sibiryak is, as shown further in the article, firstly, the writer's acquaintance with the neo-Gothic architecture of St. Petersburg country estates and, secondly, the assimilation of the idea generally accepted for the cultural community about the kinship of Gothic architecture with coniferous forests. However, since the cultural and intellectual readiness to perceive the forest thicket in the Gothic mode is, although necessary, but still insufficient basis for its implementation as a source of an element of poetics, the article further discusses the question of a possible literary source of influence – the text- translator of forest Gothic. As a possible answer to this question, the article presents the arguments that, for Mamin-Sibiryak, the role of translator of the forest Gothic tradition could have been performed by Fenimore Cooper, popular in Russia, in whose works this descriptive system is presented vividly and widely. The conclusion is formulated about the prospects for the study of peripheral elements of poetics, since here one finds traces of the writer's artistic imagination capacity which are not always realized in the mainstream of his work, and traces of the resources of his cultural memory, implicitly present in the creative process.

Key words: D. N. Mamin-Sibiryak; landscape poetics; forest Gothic; descriptive system; neo-Gothic

For citation: Abashev, V. V. (2023). Forest Gothic of D. N. Mamin-Sibiryak. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 1, pp. 44–53. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-04.

В репертуаре образных средств Д. Н. Мамина-Сибиряка есть троп, который хотя и замечали [Дергачев 2005: 67], но аналитического внимания он до сих пор к себе не привлекал. Это метафорический эпитет «готический». У него была единственная сфера применения – описание горных уральских лесов. В очертаниях елей и пихт Мамин узнавал «молитвенно-строгие готические линии» [Мамин-Сибиряк 1955: 7, 64]. Для «певца Урала», писателя этнографа и адепта «социального (социологического) реализма» [Дергачев 2005: 30] троп, согласимся, не вполне ожидаемый и даже странный. Был ли такой образный ход оригинальным на фоне русской литературы XIX века, насколько он значим семантически и каковы были его источники? Наконец, дает ли анализ этой метафоры что-то новое для понимания творчества Мамина-Сибиряка – вот вопросы, ответы на которые мы попытаемся дать в этой статье. Сразу отметим, что исследуемый нами элемент пейзажной поэтики Мамина не связан с основательно изученной готической традицией в русской литературе

с ее поэтикой ужасного и таинственного [Вацуру 2002; Готическая традиция... 2008].

Прежде всего следует выяснить, насколько оригинальным было употребление эпитета готический применительно к хвойному лесу на фоне языка русской литературы XIX века. Для этого есть инструмент, который позволяет делать предположительные, но все же обладающие значительной степенью достоверности выводы. Это Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ). Опираясь на ресурсы корпуса, можно представить пусть и не исчерпывающую, но все же достаточно предметную картину применения определения готический в русской литературе XIX века. Всего в НКРЯ зафиксировано 343 случая его использования во всех родах, числах и падежах в произведениях от последнего десятилетия XVIII века до конца XIX-го. Почти исключительно оно употреблялось в прямом предметном значении: готические соборы, церкви, здания, строения, башни, колокольни

шпицы, своды, окна, балконы, кресла и стулья, браслеты, готическая архитектура, готический шрифт, вкус и стиль, т. п. На этом фоне Д. Н. Мамин-Сибиряк с пятью зафиксированными в корпусе примерами использования эпитета действительно выглядит исключением. Лишь у него определение готический не только использовалось в метафорическом значении для описания хвойного леса, но было также, как мы покажем далее, семантически активным в конструкции пейзажного описания. Единственное из зафиксированных в НКРЯ использований определения готический применительно к лесу до Мамина встретилось у П. П. Ершова в стихотворении «Шатер природы» (1838): «А по краям зубчатым переходом / Идёт лесов готический карниз». Но у Ершова этот эпитет является лишь декоративным элементом описания шатра природы наряду с другими деталями: зеленой равниной – помостом, цветами – ковром, небесами – пологом, облаками – цветными лентами, украшающими полог и т. п. Иными словами, эпитет «готический» у Ершова семантически пассивен, он не вносит в текст дополнительных связанных с готикой коннотаций и не влияет на развитие текста.

Кроме Мамина эпитет готический в описании елей и пихт дважды – в НКРЯ эти примеры не учтены – мы встретили у Вас. Ив. Немировича-Данченко в очерках путешествия по Каме и Уралу [Немирович-Данченко 2021: 77, 227]. Стоит, кстати, заметить, что в предшествующих уральскому путешествию многочисленных очерках поездок по северу определение готический у Немировича не встречалось. Известно, что Мамин – и не без ревности – следил за тем, что писал о его родине Немирович [Абашев 2015: 68]. При этом те очерки Немировича из цикла «Урал», где был использован эпитет, были опубликованы ранее, чем маминские. Поэтому исключить, что пример столичного писателя мог послужить для него толчком к активизации ресурсов культурной памяти, нельзя. Но все же именно у Мамина готическое в поэтике лесных пейзажей получило более интенсивное развитие. Так что даже возможное первенство В. И. Немировича-Данченко не ставит под сомнение художественную оригинальность Мамина. Напомним, кстати, что если сам Мамин

и считал себя в чем-то литературным мастером – «сильными даже компетентным» – так это именно в описаниях природы [Мамин-Сибиряк 1955: 7, 64].

Выше уже было сказано, что в ландшафтных описаниях Мамина определение готический семантически активно. А именно: оно выступает как фактор, структурирующий развитие описания. То, что это действительно так, показывает анализ его лесных и горных пейзажей.

Кажется, впервые метафору готического Мамина использовал в очерке о сплаве по Чусовой «В камнях» (1882). Вторая глава очерка открывается пространством на полторы страницы описанием «панорамы гор и высоких скал», теснящихся по речным берегам. Их покрывали массы елей и пихт, «готические вершины [которых] выскакивали из <...> сплошной темно-зеленой массы и придавали ландшафту строгий, угрюмый характер», а «траурная зелень» хвойного леса сообщала речным берегам «оригинальную могучую красоту» [Мамин-Сибиряк 2007: 453].

Важно, что готическое в этом обширном описании не остается изолированным декоративным эпитетом. Оно не только определяет эмоциональный характер всего пейзажа – «строгий, угрюмый и траурный», но и семантически структурирует весь описательный фрагмент. Текст развивается как переплетение и развитие ассоциативно связанных с представлениями о готике мотивов средневекового города и сражения. Скалистые берега Чусовой напоминают писателю средневековый город с извилистой улицей-рекой, дворцами, башнями, сводами, стенами, неприступной крепостью, а карабкающиеся по скалам ели влекут за собой картину сражения. Деревья «лепятся по трещинам и уступам [берегов], как солдаты, берущие штурмом неприступную крепость» [Мамин-Сибиряк 2007: 454]. Определение готический семантически связывает эти темы воедино, поэтому можно утверждать, что оно-то и является триггером развертывания целостной картины.

Ту же роль триггера семантического развертывания текста готическое играет в известном очерке «Бойцы» (1883) в описании хвойного леса, который «после скал и утесов» Описание здесь последовательно структуриро-

вано центральным для готического комплекса ассоциаций сравнением леса с собором. Горный еловый лес, очерченный «строгой красотой готических линий», предстает у Мамина как храм с небесным сводом. Сравнение детализируется: вершины елей, как пинакли миланского собора, «рвутся в небо готическими прорезными стрелками». Что важно отметить в описании, лесной храм предстает как творение «великого художника». И хотя художником Мамин называет природу, само напряжение восхищенного описания выдает подспудные коннотации религиозного характера. Ведь природа – это зримое откровение энергии божественного творения. Потому-то «мертвый камень» в описании ландшафта оживает и «блещет неувядаемой красотой» [Мамин-Сибиряк 2011: 250].

Анализ приведенных ландшафтных описаний показывает, что готическое у Мамина – не рядовая декоративная деталь. Мы видим, как метафора запускает цепочки ассоциаций, структурирующих пейзажное описание и вносящих в него смыслы, которые, возможно, автором сознательно не предполагались – это работа отложившейся в языке памяти культуры, шлейфа ассоциаций, которые влечет за собой эпитет готический. Механизм работы подобных метафор глубоко проанализирован в классическом исследовании Майкла Риффатера. Выявляя семиотические механизмы поэзии, он ввел эвристически гибкое понятие дескриптивной системы, а именно «сети слов, ассоциативно связанных друг с другом и объединенных семантикой ядерного слова», при этом «каждый компонент системы функционирует как метонимия ядерного слова» [Riffaterre 1984: 39]. С этой точки зрения, готическое у Мамина – это ядерное слово целостной дескриптивной системы, и оно включает семантическую работу системы в тексте. Порой узлы дескриптивной системы – храм, средневековый город, религиозная экзальтация – эксплицируются, порой остаются в подтексте. Для краткого определения описанной дескриптивной системы мы будем использовать далее выражение «лесная готика», которое в определенной степени уже получило терминологический статус в трудах по истории рецепции готического в европейской и американской культурах [Axelrad 2007]. Лес-

ная готика, повторимся, – это именно комплекс мотивов, объединенных изображением лесной кущи как готического храма или города и связанных с этим более или менее и связанных с этим более или менее проявленных религиозных переживаний.

В качестве своего рода автоописания работы дескриптивной системы лесной готики у Мамина выступает картина летней ночи на прииске в рассказе «Золотуха» (1883). Пейзаж, как это нередко бывает у Мамина, предварен формулой уникальности всего уральского: «трудно себе представить что-нибудь оригинальнее уральской летней ночи». Здесь сначала прииск тонет в белом тумане, в небе загораются словно «алмазная пыль фосфорическим светом <...> неисчислимые миры», а потом начинается главное действие – восход луны, преображающий картину. «Месяц бледным серпом выплыл из-за горы, и от него потянулись во все стороны длинные серебряные нити <...> вершины леса обрисовались резкими контурами, и стрелки елей кажутся воздушными башенками скрытого в земле готического здания» [Мамин-Сибиряк 2011: 330]. «Скрытое в земле готическое здание» – это и есть образ, объясняющий принцип работы дескриптивной системы. Имплицированная ядерным словом готический она вовлекает в описание ночи свои ассоциативные цепочки. Благодаря этому «серебряные нити» лунного света становятся частью архитектуры невидимого храма, а его проявление определяет молитвенный модус переживания автором магии летней ночи с ее блеском «неисчислимых миров».

Возникает вопрос о генезисе лесной готики Д. Н. Мамина-Сибиряка. Стоит начать с простой констатации факта, что представление о готическом стиле, безусловно, входило в ресурсы культурной памяти писателя. Прежде всего в виде живого визуального опыта. В Германии, Франции или Великобритании, то есть в странах с аутентичным готическим наследием, Мамин-Сибиряк не бывал. Тем не менее помимо книжного знания, описаний и иллюстраций, у него был, конечно, опыт живого восприятия готической архитектуры и – шире – стили. Для этого не надо было выезжать в Европу. Образцы готических стилизаций писателю давал Петербург, где Мамин

прожил исключительно важные для него годы студенчества с 1872 по 1876 годы. Это были годы интенсивного обогащения культурного знания, памяти и впечатлений. В автобиографическом романе «Черты из жизни Пепко» он, например, подчеркнул, насколько важным для него как писателя было изучение коллекций Эрмитажа и посещение передвижных выставок [Мамин-Сибиряк 1955: 7, 64]. В культурный опыт юноши из глубокой провинции входило не только погружение в историю мировой и отечественной живописи, но и знакомство с архитектурными стилями, представленными в столице, в том числе с готическим.

Неоготическое течение в архитектуре и дизайне интерьера было общеевропейским. Увлечение готикой захватило и Россию. Как отмечал Ф. В. Булгарин, в начале 1830-х гг. в России «наступила мода на все готическое, как в тканях, так в галантерейных вещах и мебели» [Булгарин 1833]. В моду неоготика вошла еще в 1820-е годы и развивалась на протяжении столетия вплоть до эпохи модерна. Насыщение культурно-бытовой среды артефактами готического стиля отразилось в языке. Как уже отмечалось выше, подавляющее большинство зафиксированных в НКРЯ примеров использования определения готический в литературе XIX века относятся к зданиям, а также предметам интерьера, причем преимущественно к имеющим отечественное происхождение.

К тем временам, когда начался первый петербургский период Мамина, окрестности столицы уже были наполнены выразительными архитектурными сооружениями в духе готики. Один из наиболее значительных памятников стиля находился в Парголово, дачную жизнь в котором Мамин описал в романе «Черты из жизни Пепко». Это церковь Петра и Павла, построенная в 1830-х годах архитектором А. П. Брюлловым в Шуваловском парке, излюбленном месте прогулок будущего писателя. Историки архитектуры считают ее «одним из наиболее интересных примеров русской романтической неоготики» [Пунин 1990: 32]. Она «мастерски вписана в пейзаж», что придает ей особое очарование и впечатление аутентичности. Находящаяся на возвышенности церковь окружена еловыми деревьями, и

переключку их очертаний со шпиками и шатром колокольни нельзя не заметить. Другой из наиболее «интересных стилизаций в готическом духе», по оценке специалистов, памятников находился в Петергофе, где также бывал писатель. Это церковь-капелла святого Александра Невского в парке Александрия с фасадами, «одетыми в узорчатый декор стрельчатых арок и шпилей» [Пунин 1990: 32].

Нет нужды продолжать далее обзор неоготических зданий Петербурга, а также интерьеров, оформленных в стиле готики, – они описаны историками архитектуры. В том, что визуальность готического стиля входила в опыт восприятия Мамина, мы можем быть уверены. Это знакомство оставило следы в его прозе не только метафорические. Писатель отмечал «мавританско-готический стиль» здания Окружного суда – дом Севастьянова – в Екатеринбурге и находил его «вычурным» [Мамин-Сибиряк 1954: 2, 265]. В «роскошно мебелированной готической зале» разворачивается один из эпизодов романа «Бурный поток» [Мамин-Сибиряк 2007: 219].

Словом, представление о готической архитектуре и орнаментике вполне естественным образом входило в опыт живых визуальных впечатлений «певца Урала». Другой вопрос: как знание готического стиля и опыт его восприятия были спроецированы на описание уральской природы и нашли выражение в поэтике?

Отвечая на эти вопросы, стоит учитывать, что сам по себе ход мысли от готической архитектуры к лесной чаще вообще и к хвойному лесу в частности отнюдь не был совершенно оригинальным. Скорее, напротив, интеллектуальная предрасположенность к ассоциации леса и готики была прочно укоренена в культурном сознании. Идея о том, что национальные стили архитектуры связаны с природными ландшафтами и что, в частности, готика была рождена хвойными лесами, была распространенной и входила в интеллектуальный и культурный багаж образованного человека XIX века. Эта ассоциация неоднократно упоминалась в статье о готическом зодчестве в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. В статье о готическом зодчестве читателю сообщалось, что пинакли придают готическому собору «вид какой-то фантастической массы, поросшей и обсаженной хвойными деревьями» [С-в 1893: 429]. Том энциклопедического словаря с этой статьей вышел в 1893 году, но

мысль о родстве готического стиля с лесом к этому времени уже была общим местом. Мамин, переживший увлечение Гоголем, конечно, был знаком с его статьей «Об архитектуре нынешнего времени» в сборнике «Арабески» с ее восторженными описаниями готической архитектуры. В готических соборах, словами Гоголя, «более всего заметен отпечаток <...> тесно сплетенного леса, мрачного, величественного». А в «стремящихся нескончаемыми линиями украшениях и сети сквозной резьбы» готических храмов Гоголь находил «темное воспоминание о стволе, ветвях и листьях древесных» [Гоголь 1952: 63]. Как саму собой разумеющуюся – «давно уже наука стала угадывать <...> в резьбе и стрельчатых сводах готических соборов просветы и вершины сосновых лесов» – эту же идею мы встречаем и в популярных во времена юности Мамина крымских очерках Евгения Маркова [Марков 1872: 26]. Словом, можно определенно утверждать, что в культурном сознании Д. Н. Мамина-Сибиряка идея о родстве готики и леса присутствовала, давая возможность для восприятия уральской тайги в русле готических культурных ассоциаций.

Однако понятно, что сама по себе интеллектуальная готовность к восприятию какого-либо феномена в русле тех или иных культурных ассоциаций обеспечивает лишь ощущение правомерности и обоснованности таких ассоциаций, но не означает, что они обязательно станут элементом и фактором творчества. У Мамина же знание и опыт восприятия готики стали одним из источников творческих литературных решений. При этом использование форм готической архитектуры у Мамина как метафоры уральской тайги было, как мы не без оснований полагаем, скорее исключением на фоне русской литературы XIX века. Поэтому возникает вопрос о том, какие явления культуры могли послужить источником и толчком к литературной метафоризации элементов культурной памяти.

Надо иметь в виду, что если в отечественной литературе лесная готика Мамина была скорее исключением, то в контексте европейской культуры XIX века она была частью глубокой традиции. Поэтому если на проблему трансляции художественного опыта взглянуть в типологическом аспекте, лесная готика

Мамина имела историко-культурное основание в европейской культуре, а именно в традиции восприятия леса как откровения божественного начала и нерукотворного храма. Американский культуролог Саймон Шама эту традицию назвал «растительным христианством» (*vegetable Christianity*) и ярко описал ее многообразную символику в европейской и американской культуре первой половины XIX века [Shama 1996: 185–242]. Концентрированное выражение традиции «растительного христианства» он закономерно нашел в творчестве немецкого художника-романтика Каспара Давида Фридриха. Стирая границы между религиозной живописью и пейзажем, К. Д. Фридрих представил синтез этой традиции в серии картин начала 1810-х годов: «Крест в горах» (1808), «Зимний пейзаж с собором» (1811) и «Крест в лесах» (1811), «Крест и собор в горах» (1812). В этих полотнах, как убедительно показал Шама, многообразную «символику зеленющих крестов, лесных святилищ, вечнозеленых деревьев как знамений воскресения и готической архитектуры» Фридрих выразил в образах лаконичных, как визуальные формулы [Shama 1996: 238].

В этих мистически напряженных как знаки сакрального полотнах мы видим настойчиво проведенную визуальную рифму очертаний вечнозеленых елей и геометрии готической архитектуры, так что в конечном счете купы елей становятся эквивалентом готического храма [Shama 1996: 239]. К. Д. Фридрих создал настолько убедительную визуальную парадигму восприятия и переживания леса, что благодаря актуализации творчества художника в последние десятилетия она продолжает свою жизнь. Красноречивую вариацию на тему Фридриха можно найти, например, в творчестве русского художника Константина Васильева – в его полотне «Лесная готика» (1973).

Хотя связи немецкого художника с Россией благодаря посредничеству В. А. Жуковского были довольно прочными [Никонова 2013], и рядом его полотен располагается коллекция Эрмитажа, широкой известности Фридрих в России не получил. Картины его готического цикла у нас не экспонировались. Ко времени петербургского периода Мамина, времени «реалистов» и торжества передвижничества,

мистическая живопись Фридриха выпала из актуального русского культурного контекста. Поэтому нет, конечно, оснований думать о прямом влиянии немецкого художника на Мамина.

Но дело в том, повторимся, что готика елового леса в живописи К. Д. Фридриха не была исключительным феноменом. В творчестве немецкого романтика лишь наиболее концентрированно проявилась традиция, которая находила выражение не только в живописи, но и в литературе, что более значимо, если мы ищем источники для творчества писателя. Поэтому возникает вопрос о возможных текстах-ретрансляторах традиции. В 1858 году в Великобритании и США вышло чрезвычайно интересное описание путешествия по Уралу и Сибири английского художника Томаса Уитлама Аткинсона, где, кстати, впервые был описан сплав по Чусовой с яркими картинами ее береговых скал. По убедительному заключению В. Мароши, на восприятие Аткинсоном «пейзажей Урала мог повлиять контекст не только романтической живописи и литературы, но и неоготической архитектуры, [а возможно и] Gothic Novel с его специфическими мотивами» [Мароши 2018: 108]. Однако травелог Аткинсона не был тогда переведен на русский язык, и Мамину, конечно, не был известен.

Однако в России был широко известен и читательски популярен другой англоязычный автор, а именно Фенимор Купер, писатель, по аттестации В. Г. Белинского, «столько же великий, столько же гениальный» [Белинский 1977: 422]. В романах американского писателя, как показывают исследования, лесная готика («forest Gothic») как комплекс мотивов, объединенных изображением лесных куц как готического храма и связанных с этим более или менее интенсивных религиозных переживаний присутствия божественного начала в природе, нашла яркое выражение [Axelrad 2007].

Уподобление леса храму – сквозной мотив популярной в России пенталогии Купера о приключениях в девственных лесах Америки. Приведем хотя бы одну сцену в этом роде из романа «Зверобой» в переводе И. Введенского (1848): «Зеленая арка, образованная верхними ветвями, полуосвещенная солнечным лучом,

пробивавшимся из-за листьев, набрасывала легкую тень на это место. Подобная сцена <...> подавала человеку первую мысль об эффекте, производимом готической архитектурой: этот храм, сооруженный самой природою, производил на чувства почти такое же впечатление, как готическая церковь» [Купер 1848: 93].

Романы Купера о приключениях Натаниэля Бампо в девственных лесах Нового света вошли в круг чтения самых широких слоев русских читателей и десятилетиями выступали для них ретранслятором романтики странствий и поисков, а также мотивов лесной готики. Ландшафтно-пейзажные описания американского писателя действительно воспринимались – и порой буквально – как ключ к видению отечественных лесных просторов в их поэтическом модусе. Красноречивый тому пример мы находим, например, у поэта и очеркиста Е. А. Вердеревского, служившего в Перми в начале 1850-х гг. В очерке о жизни в Перми он советовал тем, кому доведется оказаться на высоком берегу Камы, непременно вооружиться романом Фенимора Купера, чтобы полнее прочувствовать панораму «этой огромной, плавной, величавой реки и противоположного берега ее, покрытого лесами и лесами на необозримое пространство». Благодаря Куперу, считает Вердеревский, «пустынная река, этот безграничный лесной мир покажутся <...> братьями тем американским рекам и тем девственным саваннам, которые так живописны на страницах» романов американского писателя [Вердеревский 1988: 111].

Д. Н. Мамин-Сибиряк не был исключением и столь же внимательно относился к прозе Фенимора Купера. В своих сочинениях он не раз упоминал об американском писателе как об одном из самых популярных для юношества авторов. Конечно, прямых доказательств, что именно Купер для Мамина-Сибиряка стал проводником лесной готики, нет. И все же не исключено, что американский писатель для Д. Н. Мамина-Сибиряка мог стать ретранслятором поэтики лесных чащ в их готическом модусе. Тем более что в иных случаях Фенимор Купер в его восприятии именно такую – парадигмальную – роль действительно играл. В очерке «Поездка на гору Ирмель» (1888), например, к певцу лесов и прерий Мамин обращается, чтобы вызвать в воображении читателя картину при-

искового поселка: «при известной доле фантазии, можно было бы перенестись мыслью куда-нибудь в таинственную область романов Купера и Майн-Рида: прерии, скалистые горы, коттеджи пионеров и даже “дикари” в лице горных башкир» [Мамин-Сибиряк 2021]. Ссылка на «известную долю фантазии» и ироническая интонация в заблуждение вводить не должны. Просто писатель-социолог вынужден извиниться за игру воображения, поскольку принятая им литературная конвенция фантазий всерьез не допускала.

Завершая анализ значения лесной готики в уральской прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка и экскурс в вероятную историю ее появления, необходимо ответить на вопрос, дает ли нам знание об этой дескриптивной системе что-нибудь новое для понимания творчества писателя? Ведь, очевидно, лесная готика Урала, проявившаяся в пейзажных описаниях Мамина, – периферийный элемент его литературного наследия. Но в том и ценность, на наш взгляд, изучения периферии творчества, что здесь мы порой находим следы возможностей художественного воображения писателя, не всегда реализующихся в мейнстриме его творчества, следы ресурсов его культурной памяти, подспудно работающих в творческом процессе. Лесная готика – один из таких ресурсов, тот контекст его творчества, который можно назвать отдаленным.

В 1880-е гг., в пору работы над уральскими рассказами, Д. Н. Мамин-Сибиряк, судя по его литературному манифесту в известном письме к брату 1884 года, воинственно отстаивал право «новых беллетристов» пренебрегать эффектами художественности в традиционном ее понимании. Это, мол, «декорации старинной выдохшейся эстетики». Изучение народа, правда жизни, борьба с «кромешной тьмой» требуют от писателя не «ювелирного дубления слога», а «беллетристико-публицистической формы» [Мамин-Сибиряк 1955: 8, 634]. Этому писательскому credo Мамин во многом и следовал. Но в то же время художником, мастером слова он чувствовал себя

именно в пейзажных описаниях, одним из элементов которых стала лесная готика. И вот что еще важно отметить. Лесная готика у Мамина, на наш взгляд, – это эхо той «тоски по мировой культуре», о которой позднее скажет О. Э. Мандельштам [Ахматова 1990: 169] и которой был отмечен не только акмеизм. Как и любому крупному писателю, она не была чужда и Мамину. В упомянутом выше письме к брату она отозвалась эмоциональной реакцией на обращение адресата к авторитету Эмиля Золя. Апелляцию к автору «Ругон-Маккаров» Мамин считал несоразмерной и не без горечи он посетовал на невольную несоизмеримость культурных горизонтов провинциального русского литератора и французского писателя, выросшего в «центре европейской цивилизации, где учатся, ходя по улицам и дыша парижским воздухом» [Мамин-Сибиряк 1955: 8, 635]. Разве не сказалась в этой реплике тяга к «священным камням» европейской культуры? Поэтому важно вслушиваться в отзвуки мировой культуры в творчестве нашего «певца Урала». Они открывают его неочевидные переключки и отдаленные культурные контексты, вводя тем самым в пространство, где Мамин вступает в диалог и с Каспаром Давидом Фридрихом, и с Фенимором Купером, и с Осипом Мандельштамом.

Обсуждая проблемы изучения творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка, Л. С. Соболева предлагала взглянуть на него шире, увидеть в «книжном пространстве эпохи», чтобы раздвинуть горизонт восприятия писателя [Творческое наследие... 2013: 411; Соболева 2002]. Пытаясь разобраться в истории и значении такой малой детали пейзажной поэтики Мамина, как эпитет готический, мы двигались именно в этом эвристически перспективном направлении, расширяя «книжное пространство» до общекультурного контекста. Двигаясь в этом направлении, мы ищем ответы на вопросы, как отзывалось в слове Мамина все им читанное, виденное, слышанное, осмысленное.

ЛИТЕРАТУРА

Абашев, В. В. «Дикая красота и сумрачное величие...». Панорама Урала в путевых очерках Вас. Ив. Немировича-Данченко / В. В. Абашев // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – Вып. 4 (32). – С. 67–78.

Ахматова, А. А. Собрание сочинений : в 2-х т. Т. 2 / А. А. Ахматова. – М. : Издательство «Правда», 1990. – 432 с.

- Белинский, В. Г. Собрание сочинений : в 9-ти т. Т. 2. Статьи, рецензии и заметки. Апрель 1838 – январь 1840 / В. Г. Белинский. – М. : Художественная литература, 1977. – 631 с.
- Булгарин, Ф. В. Петербургские записки. Толки и замечания сельского жителя (прежде бывшего горожанина) о Петербурге и петербургской жизни / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1833. – 15 февраля.
- Вацуро, В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуро. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 544 с.
- Вердеревский, Е. А. От Зауралья до Закавказья / Е. А. Вердеревский // В Парме. – Пермь : Книжное издательство, 1988. – С. 57–129.
- Гоголь, Н. В. Об архитектуре нынешнего времени / Н. В. Гоголь // Полное собрание сочинений : в 14 т. Т. 8. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1952. – С. 56–75.
- Готическая традиция в русской литературе / под редакцией Н. Д. Тмарченко. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. – 349 с.
- Дергачев, И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х годов / И. А. Дергачев. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 283 с.
- Купер, Ф. Дирслэйер / Ф. Купер // Отечественные записки. – 1848. – Т. LXI (ноябрь). – С. 41–148.
- Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собрание сочинений : в 8 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – М. : Государственное изд-во «Художественная литература», 1954, 1955. – Т. 2. – 592 с.; Т. 7. – 732 с.; Т. 8. – 752 с.
- Мамин-Сибиряк, Д. Н. Полное собрание сочинений : в 20 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Екатеринбург : Изд-во «Банк культурной информации», 2002. – Т. 1. – 912 с.; 2007. – Т. 4. – 704 с.; 2011. – Т. 5. – 906 с.
- Мамин-Сибиряк, Д. Н. Поездка на гору Ирмель. Из летних экскурсий / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Текст : электронный // Ураловед. – 07.12.2021. – URL: <https://uraloved.ru/mamin-sibiryak-poezdka-na-iremel> (дата обращения: 12.11.2022).
- Марков, Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории / Е. Л. Марков. – СПб. : Тип. К. Н. Плотникова, 1872. – 508 с.
- Мароши, В. В. Урал романтический и готический в травелогe Т. У. Аткинсона / В. В. Мароши // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10, вып. 2. – С. 102–110.
- Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.12.2022). – Текст : электронный.
- Немирович-Данченко, В. И. Кама и Урал: очерки и впечатления / В. И. Немирович-Данченко ; отв. ред. Е. Г. Власова ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – СПб. : Изд-во «Маматов», 2021. – 456 с.
- Никонова, Н. Е. В. А. Жуковский и немецкие художники: от К. Д. Фридриха к назарейцам. Статья первая / Н. Е. Никонова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 371. – С. 38–44.
- Пунин, А. Л. Архитектура Петербурга середины XIX века / А. Л. Пунин. – Л. : Лениздат, 1990. – 352 с.
- С-в А. Готическое зодчество / С-в А. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IX (17) Гоа – Гравер. – СПб. : Типолитография И. А. Ефрона, 1893. – С. 427–432.
- Соболева, Л. С. Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. С. Соболева // Известия Уральского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2002. – № 5 (24). – С. 97–122.
- Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / отв. редактор О. В. Зырянов. – Екатеринбург : Изд-во «Банк культурной информации», 2013. – 480 с.
- Axelrad, A. M. From Mountain Gothic to Forest Gothic and Luminism: Changing Representations of Landscape in the Leatherstocking Tales and in American Painting / A. M. Axelrad // James Fenimore Cooper: His Country and His Art. Papers from the 2005 Cooper Seminar (No. 15). – New York, 2007. – P. 7–20.
- Shama, S. Landscape and Memory / S. Shama. – New York : Vintage Books, 1996. – 652 p.
- Riffaterre, M. Semiotics of Poetry / M. Riffaterre. – Bloomington : Indiana University Press, 1984. – 213 p.

REFERENCES

- Abashev, V. V. (2015). «Dikaya krasota i sumrachnoe velichie...». Panorama Urala v putevykh ocherkakh Vas. Iv. Nemirovicha-Danchenko [“Savage Beauty and Tenebrous Grandeur...”. A Panorama of the Urals in Vasily I. Nemirovich-Danchenko's Travel Writing]. In Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. Issue 4 (32), pp. 67–78.
- Akhmatova, A. A. (1990). Sbranie sochinenii: v 2-kh t. [Collected Works, in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo «Pravda». 432 p.
- Axelrad, A. M. (2007). From Mountain Gothic to Forest Gothic and Luminism: Changing Representations of Landscape in the Leatherstocking Tales and in American Painting. In James Fenimore Cooper: His Country and His Art. Papers from the 2005 Cooper Seminar (No. 15). New York, pp. 7–20.
- Belinsky, V. G. (1977). Sbranie sochinenii: v 9-ti t. [Collected works, in 9 vols.]. Vol. 2. Stat'i, retsenzii i zametki. Aprel' 1838 – yanvar' 1840. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 631 p.
- Bulgarin, F. V. (1833). Peterburgskie zapiski. Tolki i zamechaniya sel'skogo zhitelya (prezhde byvshego gorozhani-na) o Peterburge i peterburgskoi zhizni [Petersburg Notes. Rumors and Remarks of a Villager (Formerly a City Dweller) about St. Petersburg and St. Petersburg Life]. In Severnaya pchela. February 15.
- Cooper, F. (1848). Dirsleier. In Otechestvennye zapiski. Vol. LXI (November), pp. 41–148.
- Dergachev, I. A. (2005). D. N. Mamin-Sibiryak v literaturnom protsesse 1870–1890-kh godov [Mamin-Sibiryak in the Literary Process of the 1870s – 1890s]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 283 p.
- Gogol, N. V. (1952). Ob arkhitekture nyneshnego vremeni [About the Architecture of the Present Time]. In Polnoe sbranie sochinenii: v 14 t. Vol. 8. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 56–75.
- Mamin-Sibiryak, D. N. (2002). Polnoe sbranie sochinenii: v 20 t. [Complete Works, in 20 vols.]. Ekaterinburg,

Izdatel'stvo «Bank kul'turnoi informatsii». Vol. 1. 912 p.; Vol. 4. 704 p.; Vol. 5. 906 p.

Mamin-Sibiryak, D. N. (1955). *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works, in 8 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura». Vol. 2. 592 p.; Vol. 7. 732 p.; Vol. 8. 752 p.

Mamin-Sibiryak, D. N. (2021). *Poezdka na goru Iremel'. Iz letnikh ekskursii* [Trip to Mount Iremel. From Summer Excursions]. In *Uraloved*. 07.12. URL: <https://uraloved.ru/mamin-sibiryak-poezdka-na-iremel> (mode of access: 12.11.2022).

Markov, E. L. (1872). *Ocherki Kryma: Kartiny krymskoi zhizni, prirody i istorii* [Sketches of Crimea: Pictures of Crimean Life, Nature and History]. Saint Petersburg, Tipografiya K. N. Plotnikova. 508 p.

Maroshi, V. V. (2018). *Ural romanticheskii i goticheskii v traveloge T. U. Atkinsona* [Romantic and Gothic Urals in T. W. Atkinson's Travelogue]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. Vol. 10. Issue 2, pp. 102–110.

Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (mode of access: 12.11.2022).

Nemirovich-Danchenko, V. I. (2021). *Kama i Ural: ocherki i vpechatleniya* [Kama and Ural: Essays and Impressions]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Mamotov». 456 p.

Nikonova, N. E. (2013). *V. A. Zhukovskii i nemetskie khudozhniki: ot K. D. Fridrikha k nazareitsam. Stat'ya pervaya* [Zhukovsky and German Artists: From K. D. Friedrich to the Nazarenes. Article One]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 371, pp. 38–44.

Punin, A. L. (1990). *Arkhitektura Peterburga serediny XIX veka* [Architecture of St. Petersburg in the Middle of the 19th Century]. Leningrad, Lenizdat. 352 p.

Riffaterre, M. (1984). *Semiotics of Poetry*. Bloomington, Indiana University Press. 213 p.

Shama, S. (1996). *Landscape and Memory*. New York, Vintage Books. 652 p.

Soboleva, L. S. (2002). *Istoki predstavlenii o staroobryadchestve v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka* [The Origins of Ideas about the Old Believers in the Works of D. N. Mamin-Sibiryak]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. No. 5 (24), pp. 97–122.

S-v A. (1893). *Goticheskoe zodchestvo* [Gothic Architecture]. In *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. Vol. IX (17) Goa – Graver. Saint Petersburg, Tipolitografiya I. A. Efrona, pp. 427–432.

Tamarchenko, N. D. (Ed.). (2008). *Goticheskaya traditsiya v russkoi literature* [Gothic Tradition in Russian Literature]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 349 p.

Vacuro, V. E. (2002). *Goticheskii roman v Rossii* [Gothic Novel in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 544 p.

Verderevsky, E. A. (1988). *Ot Zaural'ya do Zakavkaz'ya* [From the Trans-Urals to the Caucasus]. In *V Parme*. Perm, Knizhnoe izdatel'stvo, pp. 57–129.

Zyryanov, O. V. (Ed.). (2013). *Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiryaka: itogi i perspektivy izucheniya* [Creative Heritage of D. N. Mamin-Sibiryak: Results and Prospects of the Study]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo «Bank kul'turnoi informatsii». 480 p.

Данные об авторе

Абашев Владимир Васильевич – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия).

Адрес: 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.

E-mail: vv_abashev@mail.ru.

Author's information

Abashev Vladimir Vasilievich – Doctor of Philology, Professor, Perm State University (Perm, Russia).

Дата поступления: 09.02.2023; дата публикации: 30.03.2023

Date of receipt: 09.02.2023; date of publication: 30.03.2023